

Е. Н. ВАСИЛЬЕВА

Толстой и Монтескье: к проблеме рецепции художественно-философского наследия Монтескье в России

В России увлечение творчеством Шарля-Луи Монтескье имеет долгую историю. На протяжении всей второй половины XVIII века сочинения Монтескье активно переводятся на русский язык, становятся предметом университетских курсов («Рассуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов, или Уроки всеобщей юриспруденции» Я. И. Шнейдера¹), перерабатываются («Наказ» Екатерины II²), но и подвергаются суровой критике («Российские письма» Штрубе де Пирмона³). Восприятие Монтескье в XVIII веке носит поистине парадоксальный характер, сочетая абсолютное преклонение перед авторитетом мыслителя и тягу к опровержению, вызванную содержащимися в его сочинениях критическими высказываниями о деспотизме российских правителей, способными повредить престижу России на международной арене и поставить под сомнение репутацию ее «просвещенных монархов». В XIX веке интерес к французскому писателю в России неизменно сохраняется, однако характер восприятия его художественно-философского наследия существенно меняется. Постепенно утверждается тенденция к обобщению, переосмыслению универсальных, наднациональных истин. В новых исторических условиях (революционное движение 1825 г., государственная политика по ограничению и последующей отмене крепостной зависимости) приобретают особую актуальность фундаментальные идеи Монтескье об организации общества и принципах государственного общежития вообще.

Интерес Толстого к философии Монтескье, не раз отмечавшийся в работах П. И. Бирюкова, Н. Н. Гусева, Б. М. Эйхенбаума,

А. Н. Полосиной^{*}, зарождается еще в студенческие годы. Как позднее признавался сам писатель, перейдя на юридический факультет Казанского университета, он начинает впервые «серьезно заниматься» и находить в занятиях «даже некоторое удовольствие» (34, 397)^{**}, по всей очевидности, не без влияния молодого профессора гражданского права Дмитрия Ивановича (Дитриха Иоганновича) Мейера⁴. По воспоминаниям П. П. Пекарского, бывшего студентом Мейера одновременно с Толстым, профессор видел свою задачу в том, чтобы приучить студентов мыслить самостоятельно, для этого охотно давал дополнительные занятия на дому во внеурочное время и рекомендовал для самостоятельного разбора какое-нибудь сочинение, имевшее отношение к лекциям^{***}. Очевидно, в подобных обстоятельствах Толстой и познакомился впервые с Монтескье, о чем вспоминал в конце жизни: «Сверх факультетских предметов Меер [sic], профессор гражданского права, задал мне работу — сличить “Esprit des lois” Montesquieu с “Наказом” Екатерины, и эта работа очень заняла меня» (34, 398). По свидетельствам биографов писателя, тема, предложенная профессором Мейером, оказалась настолько интересной, что Толстой полностью погрузился в эту работу, перестал заниматься остальными факультетскими предметами и не готовился к экзаменам^{****}.

Первая запись об этой работе, внесенная Толстым в только что начатый «Дневник», относится к 18 марта 1847 года: «Я читал Наказ Екатерины и так как дал себе вообще правило, читая всякое сурьезное сочинение, обдумывать его и выписывать из него

* Ссылки на 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого (Полн. собр. соч. в 90 т. — М.; Л., 1928–1958) даны в тексте статьи с указанием номеров тома и страницы в скобках.

** См.: Бирюков, П. И. Биография Л. Н. Толстого. — Кн. 1. — М.: Алгоритм, 2000; Гусев, Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1828 по 1855 год. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954; Эйхенбаум, Б. М. Из студенческих лет Л. Н. Толстого // Эйхенбаум Б. М. О прозе: сб. ст. / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. — Л.: Худож. Лит-ра, 1969. — С. 91–116; Полосина, А. Н. Французские книги XVIII века яснополянской библиотеки — как источники творчества Л. Н. Толстого. Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. — М., 2008.

*** Пекарский, П. П. Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере, профессоре Казанского университета // Братчина. — СПб, 1859. — Ч. 1. — С. 218.

**** Левенфельд, Р. Граф Лев Толстой, его жизнь, произведения и мирозерцания / Перев. с нем. С. Шклявера. — СПб.: Б. М. Вольф, 1896. — С. 27.

замечательные мысли, я пишу здесь мое мнение о первых шести главах этого замечательного произведения» (46, 4). Следуя намеченной задаче, Толстой в течение нескольких дней последовательно вписывал в «Дневник» свои замечания по поводу отдельных положений «Наказа». Впрочем, отрывочный характер самих записей, а также наличие фрагментов, не связанных напрямую с анализом «Наказа», не позволяют говорить об этой работе как о законченном сочинении. Кроме того, проделанная работа не вполне отвечала заданию Мейера, т. к. «Наказ» становится у Толстого не столько объектом сличения с трактатом Монтескье, сколько самостоятельным предметом изучения. В ряде фрагментов автор действительно устанавливает параллели с «Духом законов», но не подвергает их сколько-нибудь подробному, последовательному разбору. Примечательно, что в «Журнале ежедневных занятий», в котором обнаруживаются несколько записей, относящихся к этой работе, Толстой ни разу не упоминает о трактате Монтескье: «Наказ читать»; «Комментарии к Наказу»; «Комментировать Наказ»; или просто — «Наказ».

Впервые работа подобного рода была проделана предшественниками Толстого еще в XVIII веке. Еще до публикации окончательного варианта текста «Наказа» в 1767 г. первые отзывы на него составили канцлер граф М. Л. Воронцов⁵, генерал-поручик А. И. Бибиков⁶, писатель и драматург А. П. Сумароков⁷ и еще целый ряд приближенных к Екатерине II лиц*. Наибольший интерес среди них представляет, пожалуй, отзыв Сумарокова, наиболее развернутый, носящий полемический характер и вызвавший наиболее резкую ответную реакцию императрицы. Позднее, около 1773 г., в таком же полемическом духе напишет свои знаменитые «Замечания на Большой наказ Екатерины» князь М. М. Щербатов⁸, один из участников в работе Комиссии по составлению проекта нового уложения. В ранних откликах на «Наказ» явно отразились историческая ситуация, общественное положение авторов, их сословные предубеждения, отношение к личности и политике императрицы. Например, по вопросам сохранения привилегий благородного сословия и зависимого положения крестьян, занимавшим едва ли не центральное место в работе Комиссии, в

* См.: Стенник, Ю. В. А. П. Сумароков — критик «Наказа» Екатерины II // XVIII век: сборник. — Вып. 24 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. — СПб.: Наука, 2006. — С. 125–143.

большинстве случаев высказываются резкие возражения. Так, убеждение Сумарокова в том, что «сделать русских крепостных людей вольными нельзя», ибо «будет ужасное несогласие между помещиками и крестьянами» и «непрестанная будет в государстве междоусобная брань»^{*} созвучно словам князя Щербатова: «...как опыты показали, от великого освобождения рабов вредно повсюду, оно еще вреднее может быть в России...»^{**}. В целом, первые комментаторы «Наказа» в большинстве своем солидарны в том, что текст написан под влиянием и в угоду современным тенденциям европейской мысли, без учета специфики российских условий, а его автору свойственно излишнее и не вполне уместное увлечение гуманизмом. На то, что под прикрытием либеральных идей Монтескье Екатерина II в действительности пыталась замаскировать истинную природу своей политики, первым обратил внимание князь Щербатов, заявив, что «Наказ сей к деспотическому правлению ведет»^{***}.

Толстому ранние отклики на екатерининский текст не могли быть известны. Отзывы Воронцова, Бибикова, Сумарокова были опубликованы в Сборнике русского исторического общества в 1872 г., «Замечания» Щербатова увидели свет только в 30-е годы XX века. Тем не менее, работа Толстого предстает как логическое звено в этом своеобразном «споре» о «Наказе». Толстой улавливает глобальное противоречие между политическим идеалом императрицы и ее реальной политикой, нашедшее отражение в тексте «Наказа» и состоявшее в постоянном стремлении автора согласовать два несогласуемых начала: осознание необходимости умеренного конституционного правления и дух деспотизма, который не позволял Екатерине II отказаться от своего желания быть неограниченной правительницей России. По выражению Толстого, «она республиканские идеи, заимствованные большей частью от Montesquieu (как справедливо замечает Мейер) употребляла как средство для оправдания деспотизма, но большей частью неудачно» (46, 27).

* Мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II, Василья Баскакова и Александра Сумарокова, с собственноручными замечаниями государыни // Сборник русского исторического общества. — СПб., 1872. — Т. 10. — С. 85.

** Щербатов, М. М. Замечания на Большой наказ Екатерины // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. — М.: Соцэкгиз, 1935. — С. 50–51.

*** Там же. — С. 27.

Некоторые главы «Наказа» (главы III, IV, XIV и XVII) Толстой оставляет без внимания, поскольку в них, по его выражению, содержатся мысли самые обыкновенные. Отдельные мысли Екатерины, например, о том, что «свобода книгопечатания развивает дух народа» (46, 24), высказанная в XX главе «Наказа», представляются Толстому замечательными. Однако нередко выводы императрицы кажутся ему неосновательными и бездоказательными, а порой и вовсе ложными, в этих случаях комментарии Толстого отличаются категоричностью оценочных суждений, а в отдельных случаях принимают форму развернутой критики.

Очевидно, что уже тогда исключительную значимость для Толстого начала приобретать тема преступления и наказания, предвосхищая основные мотивы его религиозно-философского учения о непротивлении злу насилием. Не удивительно, что центральное место в работе Толстого отводится именно тем главам «Наказа», которые посвящены теме преступления и наказания (разбору главы X «Об обряде криминального суда» он уделяет почти половину всего времени, отведенного на работу в целом). Они же вызывают у Толстого наибольшее количество возражений. Еще будучи 18-летним студентом, Толстой ставит вопрос о правомерности смертной казни — один из самых болезненных вопросов, к которым он будет неуклонно возвращаться в своей публицистической деятельности последних лет (в воззваниях, статьях, открытых письмах). Для него, например, представляется странным, что Екатерина одновременно говорит о необходимости отменить «наказания, уродующие тело человека» (46, 9), обнаруживая тем самым свою склонность к гуманизму, и о необходимости в известных случаях смертной казни. «Как же принимать смертную казнь, не принимая уродования? Главное уродование тела есть отделение его от души» (46, 9).

Молодому критику «Наказа» представляется совершенно неприемлемым положение о том, что зло, причиняемое наказанием, должно превосходить добро, ожидаемое преступником от совершаемого преступления. Для Толстого мысль о превосходстве зла над добром противоречит понятию справедливости, положенному в основу правосудия. Лейтмотивом звучит идея о том, что преступление должно быть «совершенно соразмерно наказанию» (46, 16). Здесь, как и в большинстве случаев, Толстой разделяет точку зрения французского философа, говорившего о необходимости точного соответствия между наказанием и преступлением («Дух

законов», книга VI, глава 16). Вслед за Монтескье, который полагал, что жестокость только извращает умы и приучает людей к деспотизму, Толстой приходит к заключению: «Ежели начало добра преобладает в людях, то они больше будут иметь стремления не совершать преступлений, чем совершать их; ежели же преобладает начало зла в людях, то они всегда будут следовать ему; ибо оно будет им свойственное начало» (46, 16).

Некоторые идеи Монтескье оказались особенно близки Толстому и десятки лет спустя не утрачивали для писателя своей очевидности. Прежде всего, это касается фундаментального положения о том, что каждой форме правления соответствует определенный принцип, приводящий в движение механизм человеческих страстей. Так, основанием монархического правления Монтескье называет честь. Толстой же обращает внимание на то, что Екатерина, открыто ссылавшаяся на «Дух законов» как на основной источник своего «Наказа», тем не менее прибавляет к чести добродетель, тем самым допуская очевидное расхождение с мыслью французского философа. Сам Толстой, которому справедливость позиции Монтескье представлялась несомненной, ставит под вопрос утверждение императрицы о том, что добродетель является наравне с честью основанием монархического правления: «история доказывает нам, что этого еще никогда не было» (46, 22).

Впоследствии писатель будет руководствоваться этим тезисом теории Монтескье при создании образов главных героев в романе «Война и мир», прежде всего князя Андрея Болконского. В одном из эпизодов романа, где князь Андрей беседует со Сперанским о данном по его предложению указе (от 3 апреля 1809 г.)⁹, отменявшем некоторые привилегии дворян, герой произносит известную фразу: «Я почитатель Montesquieu. И его мысль о том, что *le principe des monarchies est l'honneur, me paraît incontestable. Certains droits et privilèges de la noblesse me paraissent être des moyens de soutenir ce sentiment*»* [10, 167]. Ссылаясь на авторитет Монтескье, князь Андрей говорит о том, что мера, предпринятая Сперанским, может поколебать самую основу государства, ибо права и привилегии дворянства суть необходимые условия для поддержания чести, а следовательно необходимые условия су-

* «основание монархии есть честь, мне кажется несомненно. Некоторые права и преимущества дворянства мне представляются средствами для поддержания этого чувства» (фр.).

ществования монархии. Здесь почти дословно воспроизводится главное положение «Духа законов» о принципе монархии, согласно которому монархическое правление предполагает существование чинов, преимуществ и даже родового дворянства*. Возражение Сперанского о том, что честь не может поддерживаться преимуществами, которые вредны для службы, полемически отсылает к словам Монтескье, полагавшего, что, в отличие от других форм правления, в монархии честолюбие не только не вредно, но даже благотворно, ибо каждый, думая преследовать свои личные интересы, по сути дела стремится к общему благу**. Точно такую же мысль Толстой высказал в свое время в своей студенческой работе по сравнению трактата Монтескье с екатерининским «Наказом»: «... в монархиях причины, которые побуждают граждан быть полезными государству, суть не <...> государственные, но частные» (46, 25).

В сохранившихся черновых редакциях «Войны и мира» содержатся прямые указания на то, что сочинения Монтескье входят в обязательный круг чтения героев романа. Князь Андрей и Пьер Безухов читают и перечитывают Монтескье (часто — в моменты уединения), размышляют о предмете его книги, обнаруживают в ней источник вдохновения для умственного труда. Пьер, находясь в Петербурге после объяснения с женой, почти никого не принимает и только много читает, в том числе «Дух законов». При этом, читая Монтескье, бывало, что ему приходили в голову мысли о том, «как односторонне судит писатель этот о причинах духа законов и как, ежели бы он дал себе труд подумать, он, Pierre, написал бы об этом предмете другую, лучшую книгу» (13, 590). Князь Андрей, который после Тильзита¹⁰ в течение почти двух лет живет затворником в Богучарове, много думает, учится, работает над собой. «Кроме общих занятий, чтения с выписками и заметками (всегдашняя его привычка), <...> он, соображая условия прошедших кампаний, невольно был вовлечен в составление записки, принявшей под конец размер трактата, и проекта о недостатках наших военных уставов и постановлений. Перечитывая Montesquieu для руководства в этой рабо-

* Montesquieu, Ch.-L. De l'Esprit des Lois / Chronologie, introduction, bibliographie par Victor Goldschmidt. — Paris: Flammarion, 1979. — Т. I. — P. 149.

** Ibid.

те, он увлекся даже критикою и государственных законов...» (13, 746).

В 90-е годы фигура Монтескье вновь обращает на себя внимание Толстого в связи с размышлениями писателя о природе войны. В религиозно-философском трактате «Царство Божие внутри вас» (1890–1893) война изображается Толстым как бессмысленная бойня, куда правители всех стран по своему произволу отправляют лучших людей, делая из них «орудия убийства, палачей, мясников человеческого мяса...» (28, 101–102). Писатель ссылается при этом на свидетельства не только современников (Мопассан, Гюго), но и писателей и мыслителей предшествующих эпох, в том числе и Монтескье с его обличительной тирадой, направленной против гонки вооружений — «болезни», охватившей всю Европу. Эта новая болезнь «постигла царей и принуждает их содержать невозможное количество войск. Болезнь эта сыпная и потому заразительная, потому что как скоро одно государство увеличивает свои войска, тотчас же все другие делают то же. Так что от этого ничего не получается, кроме общей гибели. Каждое правительство содержит столько войска, сколько оно могло бы содержать, если бы его народу угрожало истребление, и люди называют миром состояние напряжения всех противу всех» (28, 102). Толстой приводит здесь собственный перевод из «Духа законов» (книга XIII, глава 17). И хотя эти слова были написаны за 150 лет до появления книги Толстого, самому писателю это обстоятельство представляется тем более значимым, что свидетельствует об актуальности или, вернее, о вневременном характере явления. Вместо того чтобы сократиться, «военные расходы и приготовления к войне увеличились в страшной пропорции» (28, 102), несмотря на то, что сама причина, по которой во времена Монтескье можно было объяснить содержание больших войск, а именно неограниченная власть монарха, ныне почти везде в Европе упразднена.

В последние годы жизни Толстой открывает для себя новую грань в творчестве французского писателя. До сих пор знакомый ему в основном по своим крупным сочинениям, в первую очередь по «Духу законов», на сей раз Монтескье обращает на себя внимание Толстого как писатель-моралист. Когда в 1900-е годы Толстой работает над подготовкой к печати сборника изречений французских моралистов XVII–XVIII веков, составленного его другом и единомышленником Г. А. Русановым¹¹, в поле его зрения попадает собрание мыслей Монтескье. Около сотни избранных высказы-

ваний, объединенных под общим заглавием «Pensées diverses», помещались в двухтомном парижском издании «Произведений Монтескье» 1817 г., имевшемся в домашней библиотеке Толстого*. Мысли «знаменитого Монтескье», которые, по признанию Толстого, были неизвестны ему прежде, поразили его «не только своей глубиной, но и простотой и непосредственностью» (40, 217). Очевидно, именно по этой причине Толстой включает отдельные высказывания французского философа в сборник Русанова, вышедший позднее под названием «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье»¹². В разделе «Избранные мысли Монтескье» содержится всего 37 изречений в собственном переводе Толстого, который, вероятно, и является наиболее ранним переводом данного сочинения на русский язык. В сопровождающей подборку мыслей краткой «Биографической заметке о Ш. де Монтескье», составленной также Толстым, автор обращает внимание на то, что «мысли эти <...> не менее замечательны, чем мысли Ларошфуко, Лабрюйера и Вовенарга и носят на себе особенный, свойственный Монтескье, характер спокойствия и основательности» (40, 333).

Толстой останавливает свое внимание на высказываниях Монтескье, касающихся самых разных сфер жизни: законодательства, нравов и человеческих характеров, науки и творчества. Однако в числе немногих «избранных» афоризмов встречаются такие, которые были особенно близки Толстому. Их можно обнаружить не только в «Избранных мыслях», но и в других подобных сочинениях — в сборниках «Круг чтения» (1904–1908), «На каждый день» (1906–1910), «Путь жизни» (1910), объединяющих наиболее примечательные высказывания различных писателей и мыслителей о жизни, человеке и истине. В разных сборниках перевод одних и тех же высказываний не всегда одинаков. Впрочем, на неточность своих переводов обращал внимание уже сам Толстой. В предисловии к «Кругу чтения» он объяснял эту особенность тем, что переводил не только с подлинников, но и с переводов на другие языки, а также стремлением донести до читателя не столько полноту слов, сколько полноту смысла и добиться тем самым «ясности и цельности впечатления» (41, 9).

* См.: Polosina, A. Tolstoï et les philosophes français du XVIII siècle sur le pouvoir // Cahiers Léon Tolstoï / Pouvoir et société chez Tolstoï, publié sous la direction de Michel Aucouturier. — Paris, 2013. — № 23. — P. 39–48.

Высказывание Монтескье о праздности: *«Надобно бы было включить вечную праздность в муки ада, а ее-то, напротив, поместили среди радостей рая»* (41, 287),

выделенное курсивом самим Толстым и встречающееся во всех четырех сборниках, очевидно, относится к наиболее любимым афоризмам писателя. В той же степени это касается другого высказывания Монтескье, ошибочно приписывавшегося Толстым Мишелю Монтеню [13]: *«Я люблю мужиков: они недостаточно учены, чтобы рассуждать превратно»* (41, 352). В книге *«Путь жизни»* это изречение помещено дважды, а кроме того, встречается во французском оригинале в личной переписке писателя. В письме к М. А. Беневской-Моисеенко [14] от 17 января 1908 г. оно приведено в подтверждение размышления о том, что наука, какой ее преподают в университетах, не гарантирует знания закона жизни и не дает нравственного руководства в ней (78, 26–27). Примечательно, что рассуждениям Толстого о церкви также оказывается созвучна мысль Монтескье: *«Духовенству необходимо удерживать народ в его невежестве; без этого Евангелие так просто, что всякий сказал бы духовным пастырям: “Мы все это и без вас хорошо знаем”»* (44, 360).

Именно в годы, когда Толстой обращается к афористическому наследию Монтескье, которое действительно оставалось незамеченным в русской культуре на протяжении полутора веков, писателю удалось определить, в чем именно заключается сила и особенность этого мыслителя, к творчеству которого Толстой неизменно обращался в течение всей своей творческой биографии. В предисловии к *«Избранным мыслям»*, Толстой писал о том, что существует два рода мыслителей: одни стараются свести все явления и законы человеческой жизни в единую систему, другие стремятся к познанию законов человеческой жизни посредством отдельных наблюдений над этой жизнью. К этому второму роду мыслителей Толстой относит и Монтескье. Преимущество их заключается в том, что они *«не «ослабляют ум читателя, подчиняя его и лишая самобытности»* (40, 218). Они *«не подавляют самостоятельной деятельности ума, но, напротив, вызывают ее, заставляя читателя или делать дальнейшие выводы из прочитанного, или, иногда даже совершенно не соглашаясь с автором, спорить с ним и приходиться к новым, неожиданным заключениям»* (40, 218). Это определение в точности соответствует тому впечатлению, которое осталось у Толстого еще со студенческих времен в связи

с его работой над сравнением «Наказа» и «Духа законов». Неслучайно в позднюю пору своей жизни, когда Толстой возвращается в беседах и переписке со своими биографами к воспоминаниям о студенческих годах в Казани, он в первую очередь называет имя Монтескье как одну из фигур, сыгравших решающую роль в его становлении как писателя и мыслителя. По словам Толстого, именно чтение Монтескье открыло ему «бесконечные горизонты»*, «новую область умственного самостоятельного труда» (34, 398).

* Гольденвейзер, А. Б. Вблизи Толстого. — М.: Гослитиздат, 1959. — С. 148.

Екатерина Николаевна Васильева

Кандидат филологических наук (диссертация на тему «Монтескье и Россия» защищена в 2011 г. в Санкт-Петербургском государственном университете), доцент кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: французская литература XVIII века, русско-французские литературные связи, имагология, проблемы литературной рецепции.

Е. Н. Васильева

Толстой и Монтескье: к проблеме рецепции художественно-философского наследия Монтескье в России

Печатается по: Васильева, Е. Н. Толстой и Монтескье: к проблеме рецепции художественно-философского наследия Монтескье в России // Яснополянский сборник 2014: Статьи, материалы, публикации. — Ч. II. — 2014. — С. 334–343 [Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»].

¹ *Яков Иванович Шнейдер* — см. выше **авт. справку** о нем в наст. изд.

² «Наказ» — см. прим. к статье А. Н. Пыпина.

³ «Российские письма» — см. подробный разбор в статье А. Н. Пыпина.

⁴ *Дмитрий Иванович Мейер* — см. прим. к «Дневнику» Л. Н. Толстого.

⁵ *Михаил Илларионович (Ларионович) Воронцов (1714–1767)* — российский государственный деятель и дипломат. Один из участников государственного переворота 1741 г., способствовавшего восшествию на престол Елизаветы Петровны, впоследствии — один из ее ближайших приближенных. С 1744 г. вице-канцлер, в 1758–1765 гг. канцлер Российской империи. Был противником восшествия на престол Екатерины II, после чего утратил прежнее влияние, сохраняя при этом положение канцлера в течение первых трех лет ее правления. В связи с разногласиями в отношении внешней политики был отстранен от дел.

⁶ *Александр Ильич Бибииков (1729–1774)* — российский государственный и военный деятель. Пользовался доверием Екатерины II, возлагавшей на него многочисленные ответственные поручения. В 1766 г. в качестве выборного от Костромы принимал участие к работе комиссии по составлению нового Уложения, в 1767 г. был назначен председателем (маршалом) комиссии. Участвовал, между прочим, в усмирении волнений заводских крестьян в Казанской и Симбирской губерниях в 1763–1764 гг., в решении польского вопроса в период первого раздела Польши в 1771 г. (за что ему был пожалован чин генерал-аншефа), в подавлении Пугачевского бунта в 1773 г.

⁷ Александр Петрович Сумароков — см. прим. к статье А. Н. Пыпина.

⁸ Михаил Михайлович Щербатов — см. прим. к «Замечаниям на Большой Наказ Екатерины».

⁹ Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) — российский общественный и государственный деятель, реформатор. Ранние годы связаны с преподавательской деятельностью в Духовной академии в Петербурге. С 1797 г. переходит на государственную службу в канцелярию генерал-прокурора князя А. Б. Куракина. С момента вступления на престол Александра I в 1801 г. становится его ближайшим сподвижником, занимаясь составлением различных указов и распоряжений, которые лягут в основу либерального, реформаторского курса императора. В 1809 г. по поручению Александра I им был подготовлен общий план преобразования государственного устройства — «Введение к уложению государственных законов». Проект был направлен на преобразование самодержавия в конституционную монархию, но был расценен как чересчур радикальный и потому реализован лишь частично (в 1810 г. был учрежден высший законосовещательный орган — Государственный совет). Одновременно вышел ряд указов, в которых формулировались требования к служащим правительственных учреждений и которые вызвали раздражение против Сперанского в обществе как наносящие удар по старинному дворянству, как, напр., указ от 3 апреля 1809 г. о лицах придворных званий и указ от 6 августа 1809 г. об экзаменах на чины, отменявшие некоторые привилегии дворянства. В целом Сперанский был последовательным сторонником идей Просвещения. Его взгляды изложены в его записках: «О коренных законах государства», «О постепенности усовершенствования общественного», «Еще нечто о свободе и рабстве», «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений» и др. После 4-летней опалы (1812–1816) был возвращен на государственную службу. По воцарении Николая I Сперанскому была поручена масштабная работа по кодификации российских законов. Под его руководством были подготовлены Полное собрание законов Российской империи в 45 томах и Свод законов Российской империи в 15 томах. Свод законов, призванный заменить продолжавшее действовать Соборное уложение 1649 г., вступил в силу в 1835 г.

¹⁰ *Тильзитский мир* — мирный договор, подписанный Александром I и Наполеоном Бонапартом в г. Тильзит (ныне г. Советск Калининградской области) в 1807 г. Мир был подписан после поражения русской армии при Фридланде в ходе Войны четвертой антинаполеоновской коалиции (1806–1807), где Россия выступала на стороне Пруссии. Договор сковывал экономическую и политическую свободы России и, напротив, способствовал укреплению позиций Франции в Европе. Отечественная война 1812 г. аннулировала действие договора.

¹¹ Гавриил Андреевич Русанов (1845–1907) — мемуарист, автор воспоминаний о Л. Н. Толстом. Первая встреча произошла в усадьбе Толстого в Ясной Поляне в августе 1883 г. Впоследствии на протяжении более 20 лет их связывали теплые дружеские отношения, состоялось несколько встреч, велась оживленная переписка (в архиве Государственного музея Л. Н. Тол-

стого в Москве хранятся 76 писем за 1883–1906 гг.). В 1937 г. в Воронеже была опубликована книга «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом», в основу которой легли воспоминания Г. А. Русанова и его сына А. Г. Русанова, известного профессора медицины. Незадолго до смерти Г. А. Русанов по рекомендации Толстого занимался составлением книги, которая должна была включать мысли Лабрюйера, Ларошфуко и Вовенарга. Русанов умер, когда книга готовилась к печати, и работа была завершена самим Толстым: были исправлены и дополнены переводы Русанова, внесены собственные переводы мыслей Монтескье, составлены краткие биографические очерки писателей.

¹² *Лабрюйер, Ларошфуко, Вовенарг* — см. примеч. к «Избранным мыслям Монтескье» Л. Н. Толстого.

¹³ *Мишель Экем де Монтень* (1533–1592) — французский писатель и философ. Состоял в должности советника парламента Бордо, но по выходе в отставку уединился в родовом поместье и посвятил себя размышлениям. Результатом этих уединенных медитаций стали «Опыты», опубликованные в 1588 г. После публикации и вплоть до самой смерти Монтень продолжал вносить дополнения в свой труд, которые были учтены в посмертном издании 1595 г. Книга представляет собой не жестко связанные между собой, абстрактные размышления о природе человека как морального существа, подкрепленные собственными наблюдениями, историческими примерами, цитатами из различных авторов.

¹⁴ *Мария Аркадьевна Беневская* (в первом браке — *Моисеенко*, во втором — *Степанок*) (1882–1942) — дочь Приамурского генерал-губернатора А. С. Беневского. С 1904 г. состояла членом боевой организации партии социалистов-революционеров, принимала деятельное участие в революционном движении, в частности, занималась изготовлением взрывчатых веществ. В 1906 г. была арестована, до 1913 г. отбывала каторжные работы в Забайкалье. По отзывам ее близкого друга и единомышленника Б. В. Савинкова, автора книги «Воспоминания террориста», Беневская была глубоко религиозным человеком, и на протяжении всей революционной деятельности ее волновал вопрос о моральном оправдании террора. С Л. Н. Толстым лично знакома не была. Указанное письмо от 17 января 1908 г. было написано Толстым после беседы с братом Беневской Иваном Аркадьевичем Беневским. Приехав в Ясную Поляну, И. А. Беневский показал Толстому письмо от сестры, где она писала, в частности, о своих религиозных исканиях, в которых была близка взглядам Льва Николаевича. В своем письме к Беневской Толстой признавался, что, слушая эту часть письма «просто расплакался от умиления и радости сознания полного духовного единства с человеком, казалось бы, совершенно чуждым и иного склада мысли» (Полное собр. соч. в 90 т. — М.; Л., 1928–1958. — Т. 78. — № 17).